

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СМЫСЛ↔ТЕКСТ» КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

И.Т. Прокофьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье предпринята попытка обобщить опыт обучения переводу с бенгальского языка на русский и с русского на бенгальский с использованием ряда аспектов лингвистической модели «Смысл↔Текст», созданной И.А. Мельчуком ещё в 1970-е годы. В основе теории перевода, являющейся собой поле междисциплинарного исследования, лежит прежде всего лингвистическая теория, и представления об устройстве и функционировании языка определяют выбор стратегии обучения переводу как особому виду речевой деятельности. Теория И.А. Мельчука, по разным причинам оказавшаяся не в полной мере востребованной в своё время, обладает, на взгляд автора, значительным потенциалом, что позволяет использовать, в том числе и для практических целей, многие её компоненты, главным из которых является выделение так называемых лексических функций. Подобный подход позволяет минимизировать количество немотивированных лексических элементов, сведя их к набору полных существительных, остальные же предлагается рассматривать в качестве функций этих исходных элементов. Кроме того, структурирование лексики, приводящее к минимизации исходных элементов благодаря выделению и использованию лексических функций, представляется особенно удобным и экономным в наиболее стандартизированной в лексическом отношении сфере – в языке политики.

Ключевые слова: теория перевода, бенгальский язык, лингвистическая основа перевода, модель «Смысл↔Текст», синтез, анализ, лексическая функция, атрибутивные и предикативные конструкции, толково-комбинаторный словарь, переводческий словарь

Перевод как особый вид речевой деятельности предполагает передачу содержания текста языка оригинала (ЯО, в терминологии А. В. Федорова – исходный язык, ИЯ [6, с. 13]) средствами языка перевода (ЯП, по Федорову и Комиссарову – переводящий язык, ПЯ [6, с. 13; 2, с. 43]), а потому теория перевода, являясь, безусловно, потенциальным полем междисциплинарного исследования, включающим

культурно-исторический, антропологический, семиотический, психологический и другие компоненты, не может не опираться прежде всего на лингвистическую модель. И выбор её из всего множества известных языковых концепций и построений, привлекавший и продолжающий привлекать специалистов, является ключевым вопросом и на практике – в процессе обучения переводу¹, так как и сам процесс, и даже тради-

¹ Нам представляется важным подчеркнуть принципиальное различие между теорией и практикой перевода, чётко проводимое в работах теоретиков и сформулированное в работе В.Н. Комиссарова: «В широком смысле термин “теория перевода” противопоставляется термину “практика перевода” и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий её осуществления, различных факторов, оказывающих на неё прямое или косвенное воздействие... В более узком смысле “теория перевода” включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам» [2, с. 33].

ционный набор упражнений, призванный выработать и автоматизировать необходимые переводческие навыки, базируется на определённом взгляде на язык и его устройство. В этой статье не ставится задача внести лепту в теорию, наша цель куда скромней и конкретней – показать, как при решении чисто прагматической задачи обучения основам переводческой деятельности можно использовать элементы лингвистических теорий, ранее не рассматриваемых в контексте проблем перевода.

При обучении переводу моделируется два процесса: анализа, то есть вычленение смысла, содержания текста, созданного на ЯО, и синтеза – порождения текста на ЯП, адекватно выражающего выявленный смысл. Именно поэтому в качестве основы для обучения переводу разумным представляется использование не чисто дескриптивных или чисто порождающих моделей языка, а тех из них, что устанавливают связь между процессами анализа (толкования) и синтеза (порождения, генерирования).

В этой статье мы попытаемся показать практические возможности использования в обучении переводу некоторых положений теории выдающегося отечественного лингвиста И.А. Мельчука, названной им моделью «Смысл \leftrightarrow Текст» (СТ) и созданной в СССР во второй половине прошлого века. В начале своей книги «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \leftrightarrow Текст”» автор утверждает, что «естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [4, с. 9] (именно двоякое функционирование модели и вызвало появление в её названии двунаправленной стрелки). В приведённом высказывании достаточно изменить порядок предложенных операций (переработка заданных текстов в соответствующие им смыслы, а затем выявленных смыслов – в соответствующие им тексты) и в первом случае вести речь о текстах на ЯО, а во втором – на ЯП, и мы получаем не что иное, как лингвистическую модель перево-

да с языка на язык. В любом случае, мало какая другая лингвистическая теория столь чётко продемонстрировала (хотя в явном виде и не декларировала) сходство построенной в её рамках модели с сущностью переводческого процесса и предлагала, по сути, пути поиска алгоритмов выделения смыслов и законов выражения их языковыми структурами.

Предложенную исследователем модель устройства и функционирования языка можно считать переломной, в некотором смысле венчающей достижения отечественного структурализма и едва ли не впервые вовлекающей в его орбиту не только, пусть значительный, но все же ограниченный набор грамматических явлений, но и фактически безграничную сферу лексики, вокруг которой строятся почти все современные – постструктуральные – лингвистические модели. По разным «внелингвистическим» причинам теория Мельчука оказалась не оценённой в полной мере и что самое главное – не востребованной в рамках тех задач, которые ставились не только перед ней, но и перед большинством других подобных направлений того времени – обеспечение лингвистической базы машинного перевода². Впрочем, прикладное значение разработанной и продолжающей разрабатываться Мельчуком, а также его единомышленниками и последователями теории было бы неверно сводить только к вполне отвечающей духу времени попытке создания компьютерных программ, поскольку некоторые компоненты предложенной модели в значительной степени не просто пригодны в процессе подготовки переводчиков, но и способны его систематизировать и интенсифицировать. Из разных аспектов теории Мельчука (семантический, поверхностно-синтаксический, глубинно-синтаксический, глубинно-морфологический и др.) в статье будет затронут лишь один – лексический, вернее, в терминологии создателя модели, компонент лексических функций (ЛФ), ставший одной из основ составления толково-комбинаторного словаря³. Кроме того, будут продемонстрированы практические возможности использования разработанной нами

² Вскоре после выхода книги «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \leftrightarrow Текст”» (первое издание появилось в 1974 г.) Мельчук уехал в Канаду, в результате чего на родине его книги и идеи, а главное – ссылки на их автора, были фактически запрещены, а на Западе не нашли понимания. Западные школы (например – американские) продолжали развивать положения порождающей грамматики, восходящие к идеям Н. Хомского (т.е. интерес концентрировался на правилах порождения чисто грамматических – морфологических и синтаксических – структур без учёта семантики их наполнения), а лингвистика в канадских университетах и вовсе находилась на периферии гуманитарной науки. Подробнее о судьбе книги и её автора см. [4, с. 315 – 346].

³ О задачах, особенностях, организации всего толково-комбинаторного словаря (ТКС) и отдельных его статей см. [3, с. 1 – 15].

на основе модели СТ методики обучения переводу с бенгальского языка⁴ на русский и с русского языка на бенгальский, используемой уже несколько десятилетий в процессе преподавания бенгальского языка в МГИМО и ставшей методической основой учебника бенгальского языка для старших курсов [5].

Использование модели Мельчука в процессе обучения переводу позволяет минимизировать количество немотивированных лексических элементов, сводя их к набору полнозначных существительных, остальные же предлагается рассматривать в качестве функций этих исходных элементов. Заметим, что структурирование лексики, как раз и приводящее к минимизации исходных элементов благодаря выделению и использованию лексических функций, представляется особенно удобным и экономным в сфере языка политики, наиболее стандартизированного (наряду с языком науки), отличающегося наибольшим числом устойчивых словосочетаний, а обучение переводу в нашем университете фокусируется именно вокруг него.

Может возникнуть вопрос, не устарела ли модель СТ за несколько десятилетий. Наши соотечественники, работающие в западных университетах, И. Большаков и А. Гельбух, отвечая на него, отметили актуальность теории, особо выделив именно ту её часть, которая избрана нами в качестве темы статьи, – выделенный И. Мельчуком набор ЛФ: «Только в модели СТ даны исчисления лексических функций... Это неотъемлемое и очень важное для модели средство синонимического варьирования предложений. Быть может, оно является наиболее важной особенностью модели, играющей ключевую роль в её механизме синтеза (генерации текста), по глубине проработки не имеющей аналога в генеративной традиции. Именно с помощью синонимического варьирования производится поиск реализуемых на поверхности синтаксических вариантов данного семантического представления **при переводе с одного языка на другой** (выделение наше. – И.П.). Лексические функции позволяют также стандартизовать семантическое представление, уменьшив разнообразие узлов

в нём» [1]. Важно при этом не путать введённое Мельчуком понятие ЛФ и понятие валентности: если первое подразумевает «качественную» семантическую сочетаемость ключевого слова, то второе, корректно применимое лишь к глаголу или предикативному имени, характеризует «количественную» сочетаемость слова: возможность присоединения к нему некоторого числа актантов ситуации, названной этим глаголом или предикативным именем: субъекта, прямого объекта, косвенного объекта, адресата, бенефицианта и т.д. вне зависимости от их конкретного лексического наполнения.

Мы, как и исследователи и последователи Мельчука, считаем его главной заслугой и центральной частью модели СТ построенную, а скорее – выявленную им систему ЛФ, под которыми понимаются семантически мотивированные импликации в лексической структуре языка. «С формальной точки зрения лексическая функция есть функция, аргументом которой являются некоторые слова и словосочетания данного языка, а значениями – множества слов и словосочетаний этого же языка» [4, с. 78], реализующие при этом слове его потенциальные семантически мотивированные комбинаторные возможности.

В процессе преподавания перевода на бенгальский язык используется лишь часть из выделенных Мельчуком функций, некоторые были определённым образом преобразованы, исходя из практических задач и особенностей, в том числе – частотности употребления и порождения их в бенгальском языке, часть используемых в процессе обучения переводу предложены нами.

Остановимся в качестве примера на основных, наиболее частотных из используемых нами на практике ЛФ. Большинство из них моделируют и структурируют область атрибутивных и предикативных сочетаний. Среди атрибутивных стандартными, а потому обязательными при обучении переводу, являются функции:

1) *Magn* (от лат. *magnus* — «большой»), обозначающая высокую степень/интенсивность, максимальное проявление качества определяемого имени⁵:

⁴ Бенгальский язык – один из крупнейших языков мира по числу говорящих (около 300 млн чел., государственный язык Народной Республики Бангладеш и один из официальных языков Индии) – относится к индоевропейской языковой семье, но, находясь на периферии области распространения языков этой семьи (самый восточный из индоевропейских языков) и гранича с ареалом сино-тибетских и аустразиатских языков, приобрёл ряд формально-типологических и контентивно-типологических черт, резко отличающих его даже от индоарийских собратьев.

⁵ *Magn* – одна из наиболее употребляемых функций, используемая «практикующими» переводчиками, и давно и прочно вошедшая в арсенал отечественных переводческих терминов.

анализ (ключевое, в терминологии Мельчука – заглавное, слово) – *тщательный*,
молчание – *полное, абсолютное, гробовое*,
признание – *всеобщее*,
благодарность – *глубокая*,
позиция – *твёрдая*,
вероятность – *большая, стопроцентная*,
аплодисменты – *бурные, продолжительные*.

2) AntiMagn – противоположна функции Magn, выражает минимальное проявление качества:

позиция – *шаткая*,
перемирие – *шаткое*,
аплодисменты – *жидкие*.

3) Bon (от лат. bonus – «хороший») – выражает положительное качество, положительную оценку имени/предиката говорящим:

влияние – *благодарное*,
политика – *разумная*,
приговор – *справедливый*,
гордость – *законная*,
предложение – *заманчивое*.

4) AntiBon – ЛФ, противоположная Bon, т.е. маркирует отрицательное качество, негативное отношение говорящего к имени/предикату:

политика – *непоследовательная, опасная*,
влияние – *отрицательное, тлетворное*.

При выделении функций Bon и AntiBon в бенгальском и русском политическом нарративе мы столкнулись с явлением, названным нами гиперсемантизацией политической лексики, под которой понимается присутствие дополнительного значения оценки (тех самых ЛФ Bon и AntiBon) в самих ключевых словах. Так, например, *пособник*, синоним слова *помощник*, уже содержит негативную оценку, а потому семантически может быть представлен как AntiBon слова *помощник*. То же с парами *сателлит* – *союзник*, *вояж* – *визит*, *мятеж* – *восстание*⁶ и рядом других.

Специфически, в данном случае – на уровне словообразования, могут реализоваться ЛФ Bon и AntiBon и в бенгальском языке. Примером наращивания смысла, то есть реализации ЛФ на словообразовательном уровне, является использование префиксов *su=* и *ku=*, придающих соответственно позитивное или негативное отношение к понятию, выраженному словом: *khyāti* – *известность, слава*, *sukhyāti* – *известность, доброе имя*; *kikhyaṭi* – «*дурная слава*». Для адекватного перевода, подразумевающего

среди прочего и передачу эмоции, обязательно следует учитывать возможность потенциально-го присутствия оценки, маркированной на словообразовательном уровне, как в бенгальском, или специально не маркированном, но, как в русском, изначально включающим сему оценки (в приведённых примерах – отрицательной, т.е. ЛФ AntiBon) в ключевое слово.

Лексические функции упорядочивают и систему предикатов (глаголов и предикативных имен).

Самыми частотными из них являются:

1) Func (от лат. functio – «исполнение»), называющая действие, «исполняемое», совершаемое «ключевым» словом: понятием/предметом, обозначаемым существительным (ключевое слово является его субъектом):

война – *идёт*,
мир – *царит*,
возмездие – *настигает*.

2) Oper (от лат. operor – «совершать») – действие, совершаемое над понятием/предметом, обозначаемым существительным, являющимся прямым объектом при Oper:

война – *вести*,
меры – *принимать*,
шаги – *предпринимать*,
мир – *поддерживать*.

3) Constr (от лат. construo – «строить») – действие, в результате которого понятие/предмет начинает существовать:

война – *начинать, развязывать*,
меры – *разрабатывать*.

4) Destr (от лат. destruo – «разрушать») – действие, в результате которого понятие/предмет перестаёт существовать:

война – *заканчивать*,
закон – *отменять*.

В системе функций Constr и Destr целесообразно подразделять функции, относимые к субъекту (FuncDestr/Constr) и к объекту (OperDestr/Constr).

Ср. *война началась* – *войну развязать*,
война окончилась – *войну завершить*.

Выделение ЛФ Constr и Destr из ряда ЛФ Oper чрезвычайно важно для бенгальского языка, где от семантики глагола зависит выбор окончания (нулевого или = ke) так называемого объектного падежа (отчасти совмещающего значения русских дательного и винительного).

⁶ Вспомним хотя бы известное двустишие С. Маршака: *Мятеж не может кончиться удачей,*
В противном случае его зовут иначе.

5) Conv (от лат. *conversio* – «преобразование») – конверсив, то есть слово, обозначающее то же отношение, что и ключевое, но рассмотренное «в ином направлении», то есть с перестановкой тех же актантов (участников описываемой ситуации) на другие места, с «взаимозаменяемой» синтаксических ролей одних и тех же участников ситуации:

покупать – продавать (покупка – продажа),

бояться – пугать (ролями в данных примерах меняются субъект и объект).

Кроме атрибутивных и предикативных функций целесообразно выделять универсальные лексические функции, равно применимые к разным частям речи:

1) Syn – синоним, то есть слово, совпадающее с ключевым словом по смыслу:

огромный – громадный – невероятных размеров;

2) Anti – антоним, т.е. слово, обозначающее предмет, свойство, состояние или действие, «противоположное» предмету, свойству, состоянию или действию, обозначенному ключевым словом:

трудный – лёгкий, простой,

враг – друг,

противник – союзник.

3) Correl (от лат. *correlatio* – «соотношение, взаимосвязь») – коррелят, т.е. слово, обозначающее соотносительное понятие, неантонимически противопоставленное лексическому элементу, входящему в тот же семантический класс:

физический – моральный,

частный – государственный.

Возможно совмещение разных функций в одном слове, тогда мы имеем дело с составными функциями, как, например, в уже приведённых нами FuncConstr или OperDestr. Возможны и другие сочетания ЛФ, например, FuncConstrMagn в сочетании *разразился кризис* (так как *разразиться*, а не *начаться* может только *серьёзный/глубокий кризис*). Эту возможность сочетания функций особенно важно учитывать в процессе перевода, так как ЯО и ЯП могут обладать разным лексическим, в том числе и метафорическим, потенциалом.

Наборы функций являются универсальными как для русского, так и для бенгальского языка, но различаются способами реализации, а пото-

му создание упорядоченной системы ЛФ в ЯО и ЯП, несмотря на кажущуюся сложность, структурирует и систематизирует и, как следствие, упрощает систему, а значит интенсифицирует и процесс предпереводческой подготовки (предварительное изучение лексики с учётом потенциально свойственных каждой лексеме ЛФ), и собственно обучение переводу.

Работа над обучением переводу заключается в том числе и в составлении каждым студентом особого переводческого бенгальского словаря, использующего в качестве словника набор наиболее употребимых существительных, которые «обрастают» набором стандартных ЛФ, возможных при конкретном имени⁷. В качестве примера приведём часть статьи (касающуюся исключительно ЛФ) подобного словаря, напомним при этом, что переводы предлагаются только для удобства читателей, так как вся необходимая для обучающихся информация уже содержится в названии самих функций.

Yuddha (война)

Magn: *dirghadiner (долгая), raktakṣayī (кровопролитная),*

Bon: *puṛāya (справедливая), rabitra (священная),*

AntiBon: *anpūya (несправедливая),*

Func: отсутствует,

Oper: *cālāna (вести),*

FuncConstr: *ṣuru haoya (начинаться),*

FuncConstrAntiBon: *bādhā (*развязываться),*

OperConstr: *ṣuru karā (начинать),*

OperConstrAntiBon: *bādhāna (развязывать),*

FuncDestr: *ṣeṣ haoya (прекращать),*

OperDestr: *ṣānti/yuddhabirati ghaṣaNa karā (объявлять мир/перемирие),*

Syn: *sāmarik andolan (военная кампания),*

Anti: *ṣānti (мир).*

Дополнительно в словаре могут приводиться наиболее частотные сочетания ключевого слова, не являющиеся его ЛФ, но выражающие сущностные для него характеристики. В нашем случае это: *mukti/svādhīnatā/uranibeṣbīrodhī (освободительная, за независимость, антиколониальная)*. Кроме того, обязательно указывается послелог, употребляемый при ключевом слове. В нашем случае это *biruddhe (против)* и никогда *sāthe/sange (с)*, так как эти бенгальские послелоги не настолько многозначны, как соот-

⁷ Так называемый переводческий словарь включает лишь часть ТКС, а именно – ЛФ и синтаксические валентности предикатов, выполняющих функции определённых ЛФ, с обязательным указанием флексий и предлогов (в русском)/послелогов (в бенгальском), используемых при оформлении «синтаксических ролей» участников ситуации (актантов).

ветствующие им в ряде контекстов русский «с» или английский «with», и не означают взаимности (ср. русск. война Восточного Пакистана с Западным), а лишь совместность (переведи мы дословно данное в качестве примера словосочетание, получили бы совершенно иной смысл: война Восточного Пакистана в союзе с Западным Пакистаном против кого-то третьего, не названного в предложении).

Вне поля этого словаря остаются лишь окказиональные сочетания, перевод которых представляет собой отдельную проблему и не рассматривается в этой статье. Сюда же попадают индивидуальные, новые, метафоры и индивидуальное эмоционально мотивированное употребление лексики из других стилистических сфер. Работа над составлением личного переводческого словаря ведётся студентом на протяжении всего времени обучения переводу и, как показывает преподавательский опыт, продолжается многими выпускниками уже во время их дальнейшей работы.

Многолетний опыт анализа качества переводов, в том числе и после приёма экзаменов по бенгальскому языку в разных организациях, показал, что большинство допускаемых ошибок (особенно в письменном и устном переводе на бенгальский язык) имеют своим источником не незнание грамматики или лексики (последнее отчасти компенсируется возможностью использовать словари), а именно слабое владение принципами лексической сочетаемости в самых, казалось бы, несложных местах. В качестве примера приведу запомнившийся мне случай перевода словосочетания *оглушительный успех* как *успех, приводящий к глухоте (ставший причиной глухоты)*, где причиной ошибки стало неумение увидеть в определении *оглушительный* всего лишь способ выражения высокой степени *успеха* (в терминологии ЛФ – функции Magn). Ещё более грустную картину дают так называемые компьютерные или он-лайн словари, однако множество подобных ошибок, традиционно относимых преподавателями к разряду *буквализ-*

мов, или *калькированного перевода*, можно было бы избежать, если бы изначально были выделены и систематизированы потенциальные ЛФ.

Коль скоро речь зашла о том, что максимальное число ошибок допускается в переводе на бенгальский язык, закончим статью замечанием, если не дезавуирующим роль лингвистической теории в обучении переводу, то некоторым образом ограничивающим (а может быть, дополняющим?) её. Известные теории перевода, традиционно выделяя ЯО (ИЯ) и ЯП (ПЯ), принципиально не концентрируют внимание на том, что один из этих языков является родным для переводчика, а другой – иностранным, и перевод с ЯО на ЯП временами подразумевают перевод с родного языка на иностранный, а иногда – наоборот. А.Д. Швейцер, например, в своём классическом труде отмечает, что теория перевода (а не практическое обучение ему!) видит в переводчике билингва, то есть человека, равно владеющего двумя языками. Проблема разделения «родного – иностранного» в теоретическом отношении интересна разве что психолингвистам⁸. Оппозиция «родной – иностранный» отсутствует и у Мельчука, что в его случае тоже вполне объяснимо, так как его задача – построить модель языка, а не модель перевода. Различение «родного» и «иностранного» учитывается в другом жанре – в руководствах, учебниках и методических пособиях по переводу. Степень владения родным и иностранным языками различна (факт, сознательно упускаемый теоретиками, строящими идеальную модель перевода), что важно учитывать особенно в университетах, подобных МГИМО, где умение переводить является важным, если не главным, показателем знания иностранного языка (экзаменационные требования обязательно включают перевод в качестве основного вида работы), но задача подготовки профессиональных переводчиков, способных осуществлять разные виды перевода на любых, в том числе и высшем, уровнях не ставится. Однако, как показывает жизнь, большинство из выпускников МГИМО вынуждены, по край-

⁸ Ссылаясь на немецкого психолингвиста В. Вильса, Швейцер в разделе, посвящённом роли психолингвистики в теории перевода, отмечает, что «оптимальным направлением перевода является направление «иностранного языка – основной (т.е. родной. – примечание наше. И.П.) язык». Это объясняется тем, что при билингвизме (а компетенция переводчика является компетенцией билингва) компетенция в сфере основного языка интернализуется в более высокой степени, чем компетенция в сфере второго языка. Исходя из доминирующей роли компетенции в сфере основного языка, можно сделать вывод о том, что при направлении «иностранного языка – основной язык» существует большая вероятность точного анализа и адекватного преодоления переводческих трудностей (что, разумеется, не исключает полностью возможности успешного перевода в обратном направлении). При этом при переводе в направлении «иностранного языка – основной язык» трудности рецептивного характера, связанные с анализом исходного текста, проявляются в большей мере, чем трудности репродуктивного характера, связанные со структурированием конечного текста на языке перевода» [7, с. 26].

ней мере на начальном этапе своей дипломатической службы, исполнять роль переводчиков. Поэтому преподаватели традиционно, осознанно или неосознанно, «подменяют» классическую теоретическую дихотомию ЯО – ЯП на «русский (родной) – иностранный» и опять же почти интуитивно используют разные типы подготовительных упражнений при обучении переводу с иностранного (в нашем случае – бенгальского) языка на русский и с русского на иностранный. Перевод с иностранного языка является аналогом процесса *анализа* (выявления смысла), тогда как перевод с родного языка на иностранный – аналог *синтеза* (генерирования текста). И как синтез, так и анализ не являются полностью зеркальными процессами, хотя бы потому, что используют разные и противоположно направленные механизмы (достаточно сравнить многочисленные аналитические, или дескриптивные, и порождающие грамматики, ничем друг друга не напоминающие). Переходя от лингвистических аналогий к бытовым, сравним перевод с иностранного на родной с разматыванием клубка, а перевод с родного на иностранный – с наматыванием. Как при разматывании клубка надо найти кончик нити и совершать прерывистый ряд поступательных движений, а в наматывании рука совершает вращательные движения, так и в переводе с иностранного и родного используются, а значит – должны тренироваться, разные «движения»: в переводе с иностранного – исходным «кончиком нити» является предикат (как правило, выраженный глаголом), а затем «разматываются» связанные с ним сначала актанты, а потом сирконстанты; при переводе на иностранный центром, постепенно обрастающим грамматическими связями, является центральная смысловая лексема (как правило – имя), либо самостоятельная, либо с любой из её лексических функций. Вот в этом процессе и является практически незаменимой модель И.А. Мельчука. Выбор исходного элемента в разнонаправленных видах перевода особенно важен при подготовке и выполнении давно вошедших в преподавательский оборот подготовительных переводческих упражнений типа

«снежный ком», предполагающих поэтапное наращивание элементов вплоть до образования полного, грамматически правильного предложения или целого абзаца. Так, в переводе с иностранного языка логично начинать «снежный ком» с предиката, тогда как в переводе с родного – это практически бесполезно – невозможно, например, начать переводческую цепочку с русского глагола *принимать*, если неизвестно, какова будет следующая ступень: *закон, гостя, лекарство* или *верительные грамоты*. В бенгальском языке, например, для этих случаев используются четыре разных глагола (*grahaN karā, sambardhana jānāna, khāoyā, neoyā*). Однако если начать с любого из приведённых существительных, возможные предикативные ЛФ которых известны обучающимся, цепочка выстраивается легко и логично. Таким образом, напрашивается вывод, что описанный нами опыт построения системы ЛФ применим, скорее, для перевода на иностранный язык.

Описанный в статье фрагмент методики обучения переводу, опирающейся на языковую модель Мельчука, после многолетней апробации в аудиторной работе со студентами сначала ИСАА МГУ, а затем МГИМО был использован её автором в учебнике бенгальского языка для старших курсов [5]. Неожиданное понимание эта методика вызвала в Бангладеш, где в ноябре 2017 году автору довелось рассказывать на научной конференции, посвящённой изучению иностранных языков, о принципах обучения переводу на родной для бангладешцев язык. Как позднее выяснилось, директор Института языков Даккского университета, на базе которого и проводилась конференция, закончил в своё время Монреальский университет и писал диссертацию под руководством профессора Мельчука. Впрочем, автор надеется, что продемонстрированные возможности использования «старых» теорий в новом контексте и для новых, частных и чисто прагматических задач могут показаться интересными или даже полезными не только для тех, чьи теоретические пристрастия формировались под влиянием замечательного русского лингвиста.

Список литературы

1. Большаков И.А., Гельбух А.Ф. Модель «Смысл←→Текст». Тридцать лет спустя. Режим доступа: <https://www.gelbukh.com/CV/Publications/2000/Forum-MTM>. (Дата обращения: 15 мая 2019 г.).

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» / И.А. Мельчук. М. Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.
4. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст» / И.А. Мельчук. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 345 с.
5. Прокофьева И.Т., Калинина Ю.С. Бангладеш: история и политика. Учебник бенгальского языка для старших курсов / И.Т. Прокофьева, Ю.С. Калинина. М: МГИМО-университет, 2016. 515 с.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. М.: Издательский дом «Филология три»; СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 416 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.

Сведения об авторе:

Прокофьева Ирина Тенгизовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Научные интересы: лингвистика, индийская филология, история культуры Южной Азии. E-mail: iprok@mail.ru.

THE ‘MEANING \leftrightarrow TEXT’ LINGUISTIC MODEL AS THE THEORETICAL BASIS FOR INTERPRETERS’ TRAINING

Irina T. Prokofieva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *In the article devoted to the problems of training translators from Bengali into Russian and from Russian to Bengali, the author proceeds from the presumption that the basis of translation theory, which is a field of interdisciplinary research, lies primarily in the linguistic theory and the ideas that the structure and functioning of a language determine the choice of a translators’ training strategy. As a theoretical basis of translators/interpreters’ training, the author suggests using some components of the linguistic model created by I.A. Melchuk in the 1970s.*

This theory, for various reasons, was not fully claimed, but its potential is so great that it seems possible to use many of its components, and the main of them is the system of so-called lexical functions. The approach allows to structure the lexical fund of both (foreign and native) languages and reduce the number of unmotivated lexical elements to a limited set of nouns, while other words can be considered as functions of these initial elements. In addition, the structuring of vocabulary leading to the minimization of the initial elements due to the selection and use of lexical functions, is particularly convenient and economical in the field of so-called political language.

Key Words: *translation theory, Bengali Language, linguistic basis of translation, the ‘Meaning \leftrightarrow Text’ model, synthesis, analysis, lexical function, attribute and predicative constructions, explanatory combinational dictionary, translators’ dictionary*

References

1. Bolshakov I.A., Gelbukh A.F. Model’ ‘Smysl \leftrightarrow Tekst’. Tridtsat’ let spustia [The ‘Meaning \leftrightarrow Text’ Model. Thirty Years Later]. Available at: <https://www.gelbukh.com/CV/Publications/2000/Forum-MTM>. (Accessed: 15 May, 2019 г.).
2. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty) [The Theory of Translation (Linguistic Aspects)] / V. N. Komissarov. M.: Vysshiaia shkola, 1990. 253 p.
3. Mel’chuk I.A. Russkiiy iazyk v modeli “Smysl \leftrightarrow Tekst” [Russian Language in the ‘Meaning \leftrightarrow Text’ Model] / I.A. Mel’chuk. M.–Vein: Shkola ‘Iazyki Russkoy Kultury’, 1995. 682 p.

4. Mel'čuk I.A. Opyt teorii lingvističeskikh modeley 'Smysl \leftrightarrow Tekst' [Towards the Theory of the 'Meaning \leftrightarrow Text' Linguistic Model] / I.A. Mel'čuk. M.: Shkola 'Jazyki Russkoy Kultury', 1999. 345 p.
5. Prokofieva I.T., Kalinina Y.S. Bangladesh: istoriia i politika. Uchebnik bengal'skogo iazyka dlia starshikh kursov [Bangladesh: History & Politics. The Bengali Language Textbook for Advanced Students] / I.T. Prokofieva, Y.S. Kalinina. M: MGIMO-universitet, 2016. 515 p.
6. Fedorov A.V. Osnovy obščey teorii perevoda (lingvističeskie problemy) [Fundamentals of General Theory of Translation (Linguistic Problems)] / A.V. Fedorov. M.: Isdatelskiy dom "Filologija tri". SPb: Filologičeskij fakultet SPbGU, 2002. 416 p.
7. Schweitzer A.D. Teoriia perevoda: Status, problem, aspekty [Translation Theory: Status, Problems, Aspects] / A.D. Schweitzer. M.: Nauka, 1988. 215 p.

About the author:

Prokofieva Irina T. – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Indo-Iranian and African Languages, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of Interest: linguistics, Indian philology, history of South Asian culture. E-mail: iprok@mail.ru.

* * *